

Четыре шага к свободе

Переход к свободе в Восточной Европе не будет легким. И первый шаг к ней — удержаться от копирования неподходящих образцов, т. е. процветающих, благоденствующих стран Запада.

I

Политические революции в Восточной Европе вновь обострили вопрос о взаимосвязи между разными видами свободы (гражданской, личной, экономической и политической), который столетиями волновал экономистов, политиков и философов.

Вспомним некоторые исторические факты. Во-первых, свободные и процветающие общества были редки в мировой истории и преимущественно представляли собой исключения из правил. Во-вторых, во всех этих исключительных случаях основой экономической деятельности был свободный частный рынок—конкурентный частный капитализм. В-третьих, обратная зависимость неверна: отнюдь не все общества, основанные на свободном частном рынке, достигали гражданской, личной и политической свобод (классические примеры — Древняя Греция и США до гражданской войны; более свежие — салазаровская Португалия и Чили при Пиночете). В-четвертых, наличие политической свободы не есть ни необходимое, ни достаточное условие для получения свободы экономической, гражданской и личной. В подтверждение первого тезиса (необходимость) сошлемся на Гонконг, который был самым свободным обществом в мире в плане экономическом, гражданском и личном, но при этом не имел политической свободы, находясь под британским правлением. Что касается тезиса о достаточности, то примером здесь может служить Индия, получившая политическую независимость и имеющая, несмотря на это, низкий уровень экономической свободы и весьма ограниченный уровень гражданской и личной свободы. В-пятых, политическая свобода часто приводила к ограничению и разрушению экономической и гражданской свобод и к собственному краху (яркий пример — судьба бывших английских колоний, «освободившихся» после второй мировой войны). Эти исторические факты с очевидностью свидетельствуют, что экономическая, гражданская, личная и политическая свободы вовсе не составляют гармоничный ансамбль, который так удачно соответствовал бы высокой ценности всех четырех компонентов для большинства из нас.

Полный анализ сложных взаимосвязей между разными видами свободы и их влияния на прогресс экономики — предмет трактатов и научных монографий. В настоящий момент жизненно важен вопрос о последствиях политических переворотов в Восточной Европе.

Крах тоталитарных режимов вызвал всплеск ликования во всех этих странах и в мире в целом. Однако сама легкость, с которой произошел этот крах, породила необоснованные ожидания быстрого улучшения экономического положения в результате политических перемен. Подобные надежды обречены, и это грозит подорвать новые еще хрупкие политические структуры.

F r i e d m a n M.— старший научный сотрудник Гуверовского исследовательского центра.
Статья из журнала «National Review» (1990, May 14) печатается с согласия автора

Можно назвать авторитарные общества, которые не так давно успешно и быстро продвинулись к экономической и гражданской свободе. Это Испания после Франко, Чили после Пиночета. Но из тоталитарных обществ ни одно по сей день не достигло высокого уровня экономической и гражданской свободы. Посетив около года назад Китай, я подумал, что он мог бы стать первым примером. Драма на площади Тяньаньмынь развеяла эту надежду. Станут ли таким примером Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария или Румыния? (Я не называю Восточную Германию, поскольку воссоединение с Западной ставит ее в особое положение.)

II

Переход к свободе не может быть совершен одним прыжком. В бывших тоталитарных обществах имеются развитые системы учреждений, общественных отношений, имущественных прав, которые целиком и полностью враждебны быстрому становлению основных экономических условий свободы и процветания. Такие условия легко провозгласить, но очень трудно воплотить в жизнь.

1. Первое и самое важное: основное материальное богатство (включая средства производства) должно перейти в частную собственность в полном смысле этого слова, чтобы частный владелец имел широкие права пользования собственностью и мог бы ее передать другому частному лицу или группе лиц на взаимоприемлемых условиях. Для этого требуется предоставление любому лицу права обмениваться услугами или товарами с другими лицами на любых взаимоприемлемых условиях, т. е. отсутствие контроля над заработной платой и ценами, включая курсы иностранных валют, отсутствие ограничений импорта и экспорта.

В этом непереносимом условии скрыто множество трудностей; они заключены в понятиях «основное материальное богатство» и «перейти в частную собственность». «Частная собственность» не может быть определена *a priori* из-за возможных конфликтов между отдельными имущественными правами; она также не может быть полной из-за необходимости финансирования и поддержания основных функций государства, например обороны. Тем не менее частная собственность остается самым важным условием для достижения свободы и процветания.

2. Из первого условия вытекает требование защиты частной собственности. Если правительство может ее экспроприировать и станет часто к этому прибегать, собственники будут лишены стимула сохранять свою собственность и преумножать ее экономический потенциал.

3. Для обеспечения неприкосновенности частной собственности государственное управление должно быть строго ограничено своими основными функциями и сведено к охране законности и порядка, включая надзор за исполнением частных контрактов; к поддержанию судебной системы, осуществляющей хозяйственный арбитраж и уголовное судопроизводство; к установлению «правил игры», включая определение частной собственности.

4. Относительно стабильную денежную систему я выделяю в отдельную графу, не включая ее в предыдущий пункт, по следующим двум причинам. Во-первых, стабильная валюта теоретически может существовать и без государственной поддержки (в отличие от контроля за соблюдением контрактов). Обычно так и получалось, когда обеспечением денежной системы служило золото, серебро и т. п. Во-вторых, на практике наиболее вероятной угрозой успеху реформ в странах, о которых идет речь, является инфляция и опасность гиперинфляции. Поэтому денежная реформа — задача особой срочности.

Ни в одной из развитых западных стран перечисленные условия свобо-

ды и процветания не существуют в полной мере. В гораздо большей степени они были присущи этим странам в то время, когда там добивались высоких темпов развития и достигали расцвета. Я подчеркну, что если бы стартовые условия в западных странах были столь же далеки от идеала, как сейчас в Восточной Европе, то сегодня мы не называли бы эти страны развитыми. Государства, берущие для себя за образец успехи Запада, совершают большую ошибку, равняясь на нынешнюю ситуацию, а не на ту, какой она была, когда западные страны находились на такой же стадии, как страны Восточной Европы сейчас. Только достигнутый нами высокий уровень развития позволяет поддерживать столь дорогостоящий и раздутый государственный сектор. Моделью для Восточной Европы, скорее, может послужить Гонконг, а не США, Великобритания или Швеция. Воплотить в жизнь вышеназванные условия нелегко. Всем им свойственно одно общее — это радикальное сокращение сферы деятельности и роли государства. Такое сокращение представляет угрозу почти для всех ныне могущественных сил общества. На деле, как мне представляется, оно осуществимо только в предельно кризисной ситуации и только если провести его быстро. Слова Макбета об убийстве Дункана: «О, будь конец всему концом, все кончить могли бы мы разом»¹ равно применимы и к уничтожению тоталитарного управления.

Детальный план, предписывающий, как именно достичь этих условий, невозможен. Специфика будет определяться ситуацией в каждой из стран, имеющих значительные различия в организации экономики, в общественных отношениях, в социальных структурах и в политическом положении. Однако можно сделать несколько общих замечаний.

1. Что касается первого условия — широкомасштабной приватизации, перевод некоторой части государственной собственности в частную может быть осуществлен незамедлительно. Например, путем продажи государственных квартир желающим их купить квартиросъемщикам (за наличный расчет или в кредит) по цене, соответствующей разумной капитализации частной рыночной арендной платы (необходимое уточнение, поскольку сейчас размер квартплаты часто номинальный). Подобная же операция возможна и для относительно малых предприятий — государственных ателье и мастерских, пунктов обслуживания и т. п. Самая трудная проблема возникает в связи с крупными предприятиями — сталелитейными и автомобильными заводами, верфями, шахтами, железными дорогами и т. д. Есть одно наделавшее много шума решение, которого следует избегать: это продажа предприятий вместе с землей иностранцам. Избегать следует и другого часто предлагаемого варианта: передачи заводов в собственность тем, кто на них трудится. Собственность создавалась за счет всех членов общества, и никакие привилегированные группы не должны ничего получать бесплатно. Ответственность, так же как и имущество, должна быть распределена между частными владельцами. Нельзя передать имущество частным собственникам, а ответственность оставить государству.

Иностранцам должна быть предоставлена свобода инвестиционной и предпринимательской деятельности на общих основаниях; они не должны получать никаких преимуществ.

2. Что касается защиты частной собственности — она может быть обеспечена только в ходе длительной эволюции, результатом которой станет формирование среднего класса, независимого от государства и способного создать атмосферу уважения частной собственности.

3. Что касается устойчивой денежной системы и -- косвенно — системы свободных цен, необходимых для функционирования рынка, здесь

---

¹ Шекспир У. Полное собрание сочинений Т 7 М, 1960, с. 23. Перевод Ю. Коршнеева

важно сделать два шага. Прежде всего следует резко сократить государственные расходы, ведущие к вынужденной денежной эмиссии. Кроме того, нужна незамедлительная отмена любого контроля над валютными сделками и над курсом иностранных валют. Конвертируемость может и должна быть введена хоть завтра — простым снятием всех ограничений обмена частными лицами денег на иностранную валюту. Я считаю, что установление правительством курса валют — самый пагубный вид контроля цен. Оно неизбежно влечет за собой контроль над ценами внутреннего рынка и вызывает их деформацию. Правда о действительной стоимости национальной валюты будет горькой, но и целебной.

Несмотря на то, что многие необходимые меры могут и должны быть предприняты без промедления, переход к стабильному и процветающему конкурентоспособному капиталистическому обществу неизбежно займет годы, а не месяцы. Он потребует от народа терпения и веры в то, что дела идут в правильном направлении. В этом процессе некоторые люди и группы людей неизбежно пострадают. Однако в разговорах об «огромной цене перехода к экономике свободного рынка» краски чересчур сгущаются. Нет причин сомневаться в том, что практически сразу после отмены тоталитарных ограничений предпринимательской деятельности производство начнет быстро расти. Именно так произошло в сельском хозяйстве Китая после крупных реформ конца 70-х годов. Отменив контроль над зарплатой, ценами, курсами валют, отказавшись от вынужденной привязки работников к месту труда, можно достичь таких же результатов в Восточной Европе.

И еще одно, заключительное замечание. Расхожее мнение о необходимости предоставления западными государствами крупной финансовой помощи формирующимся демократическим режимам является, с моей точки зрения, не просто ошибочным, но и вредным. Такая помощь могла бы принести больше вреда, чем пользы (как это было с иностранной помощью в большинстве случаев в прошлом). Она затянет, а не ускорит переходный период. Переход требует прежде всего сокращения сферы деятельности и роли государства, чтобы частный сектор мог расширяться и вбирать в себя производственную и другую деятельность. Помощь, оказываемая государству, укрепит его позиции и побудит к продолжению пагубного вмешательства в экономику. Принятие же необходимых мер, направленных на построение свободной жизнеспособной экономики, будет отложено в долгий ящик.

Беспрецедентные политические перевороты, с такой радостью встреченные всеми, кто верит в свободу человека, могут оказаться прелюдией к новому экономическому чуду. Однако такой итог вовсе не неизбежен. С той же вероятностью они могут оказаться прелюдией к продолжению политики коллективизма под руководством нового набора правителей. Все зависит от политической воли народа, от уровня экономического мышления лидеров и от способности этих лидеров убедить массы оказать поддержку назревшим радикальным преобразованиям.